

ВВЕДЕНИЕ

«А мои ти куряне — сведоми къмети...»

Слово о полку Игореве.

«Хоббитоведение — заброшенная и очень мало разработанная область знаний, но она сулит немало открытий».

Дж.Р.Р. Толкиен.

Властелин колец. I, 2.

В этой книге рассказано об отношении русских людей к древностям своей страны. Историческое самопознание российского народа и в гуманитарной науке (разных её отраслях), и на практике (массовых настроений, педагогического просвещения, политико-идеологических технологий) тесно связано с региональным, областническим подходом к соответствующим материалам ретроспективной направленности. Процессы глобализации на международном уровне, унификации на этно-государственном плане титульной нации прихотливо сочетаются с удержанием культурно-исторического своеобразия отдельных местностей, поселений и землячеств, особенно в таких обширных странах с полиэтничным населением, как Россия. Не случайно локалистика (или же регионология) за последние десятилетия обретает, наконец, достойный своего значения статус в структуре исторического познания¹ и на научно-

¹ См. подробнее: *Акинъшин А.Н., Ласунский О.Г.* Региональный фактор в изучении российской истории // *Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX вв.* Воронеж, 1995; *Гомаюнов С.А.* Проблемы методологии местной истории. Киров, 1996; *Его же.* Местная история в контексте россиеведения // *Общественные науки и современность.* 1996. № 1; *Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева.* СПб., 1999; *Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара.* СПб., 2000; *Юрченков В.А.* Региональная историография: российский опыт // *Регионология.* 1993. № 1; *Фёдоров П.В.* Историческое регионоведение в поисках другой истории России (на материалах Кольского полуострова). Мурманск, 2004; *Вепренцева Т.А.* Региональная история. Учебно-метод. пособие. Тула, 2007; *Данилов В.Н.* Методологические проблемы региональной истории. (Материал в помощь аспирантам, обучающимся по специальности 07.00.02 – Отечественная история). Саратов, 2007; *Проблемы исторического регионоведения. Сб. научных трудов. Вып. 2 / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев.* СПб., 2009; *Мохначёва М.П.* Регионалистика и историческое краеведение в России в 1991–2005 годах: некоторые итоги и перспективы развития // *Гефтер. Электронный журнал.* 2. 14. 2010; *Региональная история глазами её создателей: материалы экспресс-опроса // Былые годы.* 2010. № 3 (17); *Ретина Л.П.* Теоретические основания и перспективы региональной истории // *Преподаватель XXI век.* 2013. № 3. Т. 2; *Герд А.С.* Историческая география и регионалистика: взаимоотношение в процессе изучения историко-культурных зон // *Псковский регионологический журнал.* 2013. № 16; довольно многие другие издания,

популярном пространстве Интернета. Тем более что местные деятели и организации занимались краевыми древностями по большей части в тесном взаимодействии с центральными органами науки и просвещения, столичными специалистами. Цельное понимание предпосылок и перспектив отечественной культуры предполагает учёт такого рода информационных и личностных взаимосвязей.

*Мера изученности проблем археорегионалистики*² прояснилась на очередном переломе истории российского общества в 1990–2010-е годы, когда снова был востребован опыт работы и реабилитированы духовные ценности наших предшественников — многих поколений деятелей русской науки и культуры. Их творческое наследие оказалось сохранено и оценено весьма неравномерно. Ретроспектива таких отраслей гуманитарных исследований, как история, архивистика, археология, этнография, фольклористика, антропология, диалектология, литературоведение, искусствоведение, музыковедение и им подобных, представлялась до недавнего времени в учебной, словарной и монографической литературе весьма выборочно — куцым рядом «титულных», «канонизированных» (в рамках той или иной идеологии) фигур своих корифеев. Гораздо большее число авторов и деятелей, особенно живших и трудившихся в провинции над её «живой» и «мёртвой» стариной, пребывало в полном или частичном забвении. Между тем их архивированное, музеефицированное и полузабытое печатное наследие представляет сегодня несомненный интерес для истории и гуманитарной практики.

За последние десятилетия былым представителям исторической и прочих общественных наук из российской провинции уделяется всё большее внимание. Оказалось, что без учёта вклада областной, краеведческой мысли и организации картина развития отечественной науки и всей остальной культуры явно неполна, обеднена. Кроме множества отдельных публикаций более или менее частного характера, сравнительно недавно увидели свет панорамные обзоры исторической регионологии Московской земли, Поволжья, Русского Севера, Урала, Сибири, Алтая, Воронежского Подонья, Вятского, Муромского, Тульского, Липецкого и некоторых других краёв

включая соответствующие интернет-сайты, профилированные на историю, археологию и прочую краевую тематику, число которых велико и постоянно растёт.

Применительно к Курской области следует выделить и похвалить исключительно информативный, масштабный и систематический сайт «Курск дореволюционный», который создал и активно развивает Владимир Владимирович Ветчинов — начальник управления по информационным технологиям и связи Курской областной Думы.

² Терминологически мой неологизм *археорегионалистика* предлагается ради компактного обозначения всего круга исторических предпосылок и источников провинциальной культуры (собственно археологических, а также тесно с ними связанных этнографических, фольклористических, архивно-документальных, антрополого-демографических и прочих возможных). В сходном значении используется ниже русифицированное понятие *древлеведения*.

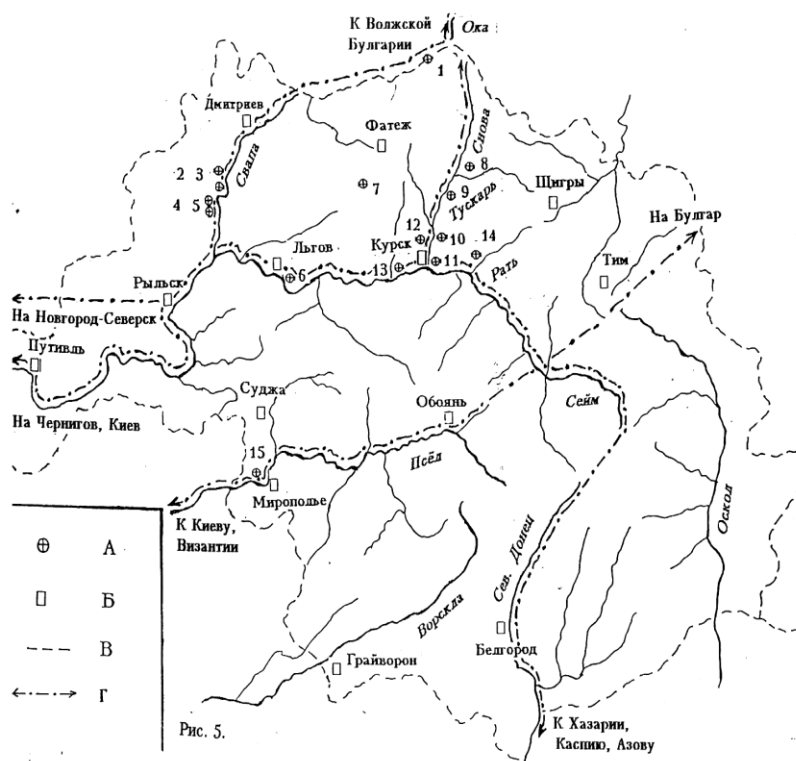
России, а также Белоруссии и Украины ³, затем и их отдельных районов. За последние годы открылись многочисленные интернет-сайты краеведческой направленности. Там немало информационного «мусора», много наивных предположений, но есть и масса ценного материала, в том числе изобразительного, особенно для популяризации истории и археологии того или иного района, поселения, местечка, даже отдельных зданий, семей и фамилий.

Эта моя книжка и готовившие её публикации дополняли намеченный тематический ряд за счёт ещё одного административного субъекта Российской Федерации, чьи древности и этапы их изучения представляются характерными для её европейской, в особенности более или менее южной, части.

Важность археорегионалогической тематики осознаётся не только отечественными, но и зарубежными историками-русистами. Так, в подготовленном американцами новаторском труде «Видение, институты и опыт России периода империи» XVIII – первой половины XIX века вторая его часть именуется «Представления об империи». В ней анализируются проекты организации Русского национального музея и Императорского Русского Географического общества — с точки зрения манифестации исторического прогресса России, её уникального опыта собирания разных

³ См.: *Алексеев Л.В.* История белорусской археологии. Минск, 1994; *Археология Сибири: историография и источники.* Омск, 1996; *Бердинских В.А.* Вятские историки. Киров, 1991; *Богуславский В.В.* Тульские древности. Энциклопедический словарь-справочник. Тула, 1995; *Винников А.З., Синюк А.Т.* По дорогам минувших столетий. Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 1990; *Глаголева О.Е.* Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой половины XIX. Тула, 1993; *Дёмин М.А.* Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989; *Камбалов Н., Сергеев А.* Первооткрыватели и исследователи Алтая. Барнаул, 1966; *Ковешникова Е.А.* Историография археологии Сибири и Дальнего востока. Красноярск, 1992; *Краеведы Москвы. Историки и знатоки Москвы.* М., 1997; *Матющенко В.И.* История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х гг.). Омск, 1992; *Его же.* Сибирская археология в 1940–1950-е гг. Омск, 1994; *Орешина М.А.* Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. М., 2000; *Пряхин А.Д.* Археология... Наследие. Воронеж, 1988; *Его же.* Археологи уходящего века. Воронеж, 1999; *Сидоров В.* Исследование края башкирского. Век XVIII. Уфа, 1997; *Флейман Е.А.* Краеведение в Поволжье. Кострома, 1995; *Формозов А.А.* Следопыты земли московской. М., 1988; *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 1–3. Курск, 1997–2002; *Пряхин А.Д.* Доно-Донецкая степь-лесостепь в эпоху бронзы. История изучения. Кн. 1–2. Воронеж, 2008; *Березуцкий В.Д., Золотарёв П.М.* Археологические древности земли воронежской. М., 2007; *Бессуднов А.Н., Мельников Е.Н., Земцов Г.Л., Смольянинов Р.В.* Древнейшая история Липецкого края. Тула, 2010; *Пряхин А.Д.* Археология в Воронежском университете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). Воронеж, 2013; *Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до геновцев / Под ред. Л.Б. Вишняцкого.* СПб., 2017; *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М. – Смоленск, 2019; многие другие публикации той же тематики.

народов в единое государство с самобытной культурой. Авторы указанного раздела стремятся показать, что «наука играла свою роль в оформлении концепции империи, а империя и народность — в формировании научных концепций»⁴.

Курское Посеймье X–XII веков

(цифрами отмечены клады арабских монет-дирхемов, прямоугольниками — городские агломерации древнерусского типа, пунктиром — условные границы летописно-житийного региона, пунктиром с точками — межрегиональные торговые пути)
 (Карта-схема из кн.: Енуков В.В., Цавелёв С.П. Основные направления торговых связей Курской земли в X–XIII веках // Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX века / Сост. И.В. Плаксин. Курск, 1996).

В моей работе, между прочим, рассматривается и указанный, и готовивший его, и последующие периоды русского исторического самосознания. В том числе взаимодействие нескольких центральных (императорских, затем советских) сообществ учёных (богословов, географов, статистиков, антропологов, археологов, историков, филологов, искусствоведов, натуралистов) с провинциальными представителями разных

⁴ Миронов Б.Н. Новое видение истории России XVIII – первой половины XIX века // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 154.

Подобная концепция государственного и общественно-политического значения родных древностей и обратного влияния власти на гуманитарную науку была намечена А.А. Формозовым и монографически развёрнута в кн.: Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990; 2-е изд. Курск, 2018; Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., Ин-т археологии РАН, 2011. 592 с.

отраслей знания и практики; затрагивается вопрос о создании Русского Исторического музея на Красной площади Москвы и других общенациональных хранилищ древностей, начало которым положили коллекции древностей, полученные с помощью раскопок в провинции и при участии губернских (областных) и уездных (районных) любителей старины.

Названные сюжеты далеко не исчерпывают тематического репертуара исследований общественно-политического и этнокультурного значения отечественных древностей, но дают независимое представление об актуальности таких работ.

*Курская губерния и её уезды
на военно-топографической карте Российской империи 1864 года.
Из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).*

Объект рассмотрения в книге определялся автором как по степени его обеспеченности архивными, вообще документальными источниками; так и по его типичности, так сказать прецедентности на общероссийский масштаб истории науки и культуры. В качестве весьма показательного, своего рода модельного избран очень типичный для относительно южной, а в значительной степени и для всей центрально-европейской России регион — *Курский край*. Сформировавшись вокруг поречий Сейма да Псла, этой природно-географической сердцевины летописного объединения восточных славян «Север» (IX – начало XI века); развиваясь (с первой четверти XI века) вместе со всем Древнерусским государством; оказавшись затем на самом пограничье Руси и Орды (XIII–XIV века), Литвы и Московии (XV–XVI века); войдя (с самого начала XVII столетия) в состав Московского царства, Курск и его округа с тех пор накопили весь возможный в Восточной Европе репертуар памятников старины — вещественных и словесных,

топонимических и этнологических, документально-архивных и архитектурных. Поэтому весьма репрезентативно оказалось рассмотрение исторических древностей именно этой земли, её взаимосвязей со столичными центрами и с прочими регионами страны по части широко понятого исторического краеведения.

Уточнённые (при участии автора ⁵) *рубежные вехи истории города и области Курска* выглядят следующим образом:

- первое упоминание в письменных источниках («Житии Феодосия Печерского») относится к началу 1030-х годов ⁶;
- в летописании («Поучение» Владимира Мономаха) — около 1066 ⁷;
- Курское княжество фигурирует там с 1095 (и по 1290);
- 1238–1239 — Курское княжество захвачено монголами; после чего на части его территории ими основано баскачество (на рубеже 1280 – 1290-х годов в «Курской области» происходит восстание против монгольского

⁵ См., в частности: *Щавелёв С.П.* «Курскъ на Тускоре»: к вопросу о происхождении летописного города // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997 (В соавторстве с Ю.Ю. Моргуновым); *Его же.* Этноним «северяне» и его историко-географические особенности в Курском Посеймье // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Сб. тезисов V международной конференции. М. – Брянск, 1996; *Его же.* Древнерусский Курск: предпосылки и период становления города // Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных. Тетрадь вторая. Курск, 1998; *Его же.* Местоположение древнего Курска // Исторический город в контексте современности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып. IV. Нижний Новгород, 1999; *Его же.* Курск в XIII–XVI вв.: между Ордой, Литвой и Москвой // Территория и население Центра России в X–XX вв. Воронеж, 2000; *Его же.* Житийно-летописный город Курск на геополитической карте Древней Руси // Міста Давньої Русії. Сбірка наукових праць пам'оті А.В. Кузи. Київ, 2014; *Его же.* Князь трубчевский и курский «Буй-Тур» Всеволод: последний берсерк? // Бути першим. Матеріали V Самоквасівських читань, присвячених пам'яті археолога, історика, педагога – Володимира Петровича Коваленка. Чернігів, Національний університет «Чернігівський колегіум імені Т.Г. Шевченка», 2019. С. 69–77.

⁶ См.: *Щавелёв С.П.* Историческое «уравнение с двумя неизвестными»: когда родился Феодосий Печерский и сколько лет он прожил на Курской земле? // Городские известия. 1994. 2 августа. № 83. С. 3, 6; *Его же.* Возраст личности и история общества: новое прочтение курской биографии Феодосия Печерского // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Сборник научных докладов IV межвузовской конференции. М. – Курск, 1994. С. 21–29; *Его же.* У начала русского монашества: св. Феодосий Печерский на пути из Курска в Киев (Уточнение хронологии) // Уваровские чтения-III. «Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность». Материалы научной конференции, посвящённой 900-летию Муромского Спасо-Преображенского монастыря. Муром, 17–19 апреля 1996 года. Муром, 2001. С. 164–165; *Его же.* Феодосий Печерский — курянин. Историко-археологические очерки. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2008.

⁷ См.: *Щавелёв С.П.* Курское Посеймье в «Поучении» Владимира Мономаха // Россия и Украина на пороге XXI века. Общность исторических судеб и сотрудничества славянских народов. Воронеж, 1997.

баскака Ахмата — первое вооружённое выступление против ига на всей Руси)⁸;

- на стыке 1360 – 1370-х «Курская тьма» отходит к Великому княжеству Литовскому⁹;

- сам «Курескъ на Тускоре» упоминается в «Списке русских городов...» (не позднее 1381) и в трактате князя Свидригайло Ольгердовича (за 1402)¹⁰;

- 1503 — Посеймье с городами Путивлем, Рыльском и, по-видимому, Курском перешло к Московскому государству;

- 1556–1557 — в городе Курске стоял отряд московских воевод Михаила Репнина и Петра Татева;

- осенью 1596 на Курском городище по царскому указу возводится крепость Московского государства; воевода Иван Полев и голова Нелюб Огарёв остаются на своих должностях до 1596–1597 года;

- с 1708 Курская земля составляет части Киевской и Азовской губерний;

- с 1719 — части Белгородской и Севской провинций Киевской губернии;

- в 1728 их вобрала в себя Белгородская губерния;

- в 1779 вместо неё образовано Курское наместничество;

- в 1797 оно переименовано в губернию (с подразделением на 10 уездов); в 1799 тут введено гражданское губернаторство;

- 30 ноября 1917 года созданный 26 ноября Губернский революционный совет отстранил от должности губернского комиссара Временного правительства и отменил эту должность;

- 24 февраля – 1 марта 1918 года — I Губернский съезд советов выбрал Губернский совет народных комиссаров;

- июнь 1919 — южные уезды Курской губернии заняты Добровольческой армией А.И. Деникина; Курск и северная часть губернии объявлены коммунистами укрепленным районом обороны советской власти;

- к 20 сентября 1919 — вооружённые силы юга России под командованием А.И. Деникина разгромили Южный фронт Красной армии и взяли Курск;

- 19 ноября 1919 — с помощью Повстанческой армии Н.И. Махно Латышская стрелковая дивизия и 9 стрелковая дивизия большевиков возвращают Курск под власть коммунистов;

⁸ См.: Щавелёв С.П. Курск и монголы: к истории города и его округа в XIII–XIV вв. // Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных. Тетрадь третья. Курск, 2000.

⁹ См.: Щавелёв С.П. Курская тьма — пограничье Руси и Золотой Орды (по документальным и археологическим материалам) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Материалы II Международной научной конференции. Воронеж, 2016.

¹⁰ См.: Щавелёв С.П. Курск в «Списке русских городов, дальних и ближних» // Межславянские связи и взаимодействия в Восточной Европе: история, проблемы, перспективы. Материалы межгосударственной научной конференции. Брянск, 2003.

- 14 мая 1928 года Курская губерния включена в состав Центрально-Чернозёмной области и поделена в нём на три округа — Курский, Льговский и Белгородский (переименованные в 1930 году в районы);

- 12 июня 1934 года Центрально-Чернозёмная область разделена на Курскую и Воронежскую области;

- 1 ноября 1941 года — Курск занят германскими войсками, с участием румынских, мадьярских, итальянских, бельгийских частей;

- 7–8 февраля 1943 года — Курск взят войсками 60-й армии Воронежского фронта (командующий — генерал-майор И.Д. Черняховский);

- 23 августа 1991 года — группа противников ГКЧП меняет красный флаг СССР на здании Курского горисполкома на «триколор» новой России. С тех пор Курская область — субъект Российской Федерации.

Таким образом, в географическом лице *Курского Посеймья* перед нами многовековой образец тех жизненных реалий, что соответствует культурно-историческому понятию «регион» (он же, если не вдаваться в терминологические тонкости, «край» или «местность», «земля», «область» в усреднённом, современном значении этих слов), чьи границы во времени и пространстве то совпадают с условно-административными, то отличаются от них.

В основе регионализации — жизнедеятельность субэтнической общности людей-земляков, осуществляемая при климате и ландшафте, прочих природных условиях определённого типа, в тех или иных внутривитальных и международных обстоятельствах.

А *регионим «куряне»* — одно из самых ранних и устойчивых областнических, земляческих определений в истории Руси-России, фигурирующее в источниках с домонгольских времен (летописи, «Слово о полку Игореве») и непрерывно до наших дней, то есть около тысячи лет.

Применительно к теме этой моей книжки важны не столько различия, сколько поэтапная преемственность между отдельными отрезками развития данного региона:

- от потестарно-политического объединения славян-«семцев» к удельному княжеству державы Рюриковичей, Киевской Руси;

- через монгольский разор, подчинение Орде и литовское подданство к военному укрепрайону Московского царства;

- потом к наместничеству, губернии Российской империи;

- затем Советской России и (с 1934 года) области СССР (с перерывом в течение 15 с лишним месяцев на одну из восточных провинций нацистской Германии);

- наконец — субъекту новой Российской Федерации.

Некоторая изменчивость и проницаемость границ курских земель за последнее тысячелетие не нарушали намного и надолго их исходного политико-географического ядра.

Предметом рассмотрения у меня служит **отношение российского государства и общества к памятникам истории и культуры** (прежде всего археологическим, а также этнографическим, фольклорным, церковным,

архитектурным, архивным); генезис, эволюция, вариации этого отношения на протяжении XVII–XX веков; взаимодействие столичных центров и периферии на поприще древлеведения. Прослеживаются разные, но взаимосвязанные стороны освоения региональных древностей — как духовно-теоретическая (исследовательская — научно-академическая и любительско-краеведческая), так и предметно-практическая (поисковая, инвентаризационная, охранно-реконструктивная, музеефикационная, дидактико-педагогическая, просветительно-пропагандистская).

*Курская губерния и её уезды в хронологическом промежутке между Российской Империей и СССР.
Карта-схема из русскоязычной Википедии.*

Понятие «археология» появилось на русском языке в качестве общеупотребительного в начале XIX века; можно сказать, в пушкинский период. Довольно долго оно использовалось в гораздо более широком значении, нежели сегодня. Тогда этому термину давался в России по сути дословный перевод — «древлеведение», наука об исторических памятниках, всех без исключения. Не только о вещественных остатках далёкого прошлого, в большинстве своём скрытых под землёй, но и о старинной письменности, первопечатной книжности, фольклоре, исторической географии, обычном праве, архитектуре, иконописи, художественных ремёслах и других образцах изобразительного искусства минувших столетий. Археологами в ту пору именовали как тех, кто с научными целями раскапывал городища и курганы, так и знатоков старинных рукописей, собирателей книжных и прочих раритетов. Так, популярный историк

Н.И. Костомаров в 1875 году полагал «археологическим занятием» «чтение старых бумаг»; «археологом-юристом» слыл известный правовед и архивист Н.В. Калачов; «археологом русского слова» звался виднейший наш фольклорист А.Н. Афанасьев; и т.д.

Курский край в составе Центральной Чернозёмной области СССР. Репродукция из кн.: Энциклопедический словарь ЦЧО (Воронеж, 1934).

Особенно разносторонний характер приобрела и долго сохраняла русская археология в провинции. Там сложился особый тип археолога-любителя, низового историка, который, по определению академика-филолога И.И. Срезневского, «не упускал из вида ни рукописи, ни монеты, ни грамоты, ни креста и иконы, ни церкви и кладбища, всё отмечал, списывал, описывал, всё сводил в любопытные статьи и книги»¹¹. Такого рода подвижникам познания и просвещения из числа курян посвящено настоящее исследование. А вместе с ними — тем профессиональным учёным из столичных университетов и академических обществ, служащим центральных учреждений, что начинали и продолжали планомерное изучение центра и юга России с позиций гуманитарного знания.

Закономерный процесс углубления, специализации гуманитарных исследований на протяжении XX века сузил понятие археологии, привёл к более строгому разграничению отдельных исторических дисциплин. Одни из них (вроде этнологии или фольклористики) ушли дальше от археологии в современном, собственном смысле этого термина; другие (скажем, ну-

¹¹ *Срезневский И.И.* Несколько припоминаний о современном состоянии русской археологии // Труды II Археологического съезда. Вып. 1. СПб., 1876. С. 14.

мизматика или топонимика) сохраняют с ней более тесное взаимодействие. В итоге возобладало уточнённое значение археологии как «науки, изучающей древнейшие этапы истории путём исследования памятников материальной культуры»¹². Поэтому основное внимание в моей работе уделено находчикам, публикаторам и толкователям именно археологических в современном смысле памятников Курского и сопредельных ему краёв. Вместе с тем более или менее подробно затронуты собственно исторические, этнографо-антропологические, архивные, филологические, естественнонаучные аспекты здешней старины.

*Физико-географическая карта Курской области.
Репродукция с сайта smotriphoto.ru.*

Цель моей работы — определить значение исторических древностей, расположенных в российской провинции, для общего строя её культуры; проследить, как формировалось и изменялось отношение государства и разных слоёв населения к историческому наследию своей Родины.

Основная цель всего нижеследующего изложения достигалась, сколько достало моих сил, благодаря решению следующих *исследовательских и просветительских задач*:

¹² *Формозов А.А.* История термина «археология» // Вопросы истории. 1975. № 8. С. 215. Добавлю, что тот же термин до сих пор применяется и к разного рода реликвиям последних трёх веков (скажем, промышленная археология занимается музеефикацией и реконструкцией техники и остальных производств Нового и Новейшего времён; подводная археология изучает затонувшие когда бы то ни было суда; и т.д.). Сегодня встаёт вопрос об археологической стороне поисков останков.

- наметить *общую периодизацию* развития отечественной историко-краеведной мысли и практики выявления, охраны, изучения и музеефикации памятников старины (применительно к такому модельному региону, каков Курский край и сопредельные с ним, социокультурно родственные ему территории России);

- рассмотреть основное *содержание каждого этапа* провинциального древлеведения, начиная с донаучной, фольклорно-этнографической предыстории и зарождения интеллектуального, протонаучного интереса к отечественным древностям в XVII столетии; через развитие профессионально-академического и любительского их изучения в XVIII – начале XXI века, то есть вплоть до наших дней;

- создать *творческие портреты* наиболее типичных и плодотворных представителей академической науки и местного краеведения, занимавшихся поиском, исследованием и сохранением, популяризацией разных видов краевых древностей;

- охарактеризовать ведущие (на том или ином этапе) *организации краеведов* на местах; реконструировать их деловые *взаимосвязи со столичными центрами* науки и просвещения, правительственными и местными органами государственной власти и общественными объединениями соотечественников, земляков;

- выявить и повторно ввести в научный и педагогический оборот некоторые представляющие особый интерес сегодня *материалы* указанных *лиц и организаций*, касающиеся памятников старины; биографические данные, архивированные отчёты по изучению наиболее важных, эталонных объектов минувшего; ставшую антикварной редкостью литературу на историко-краеведческие темы;

- сопоставить взгляды, *идеи и методики* учёных и краеведов прошлых времён по ключевым проблемам истории и культуры избранного региона с современным уровнем их познания; постараться выявить как мифологемы и устаревшие теории, так и незаслуженно забытые, до сих пор актуальные в том же историко-краеведческом плане точки зрения открытия наших предшественников;

- учесть *положительные и отрицательные моменты* длительного *опыта историко-краеведного движения* по соотношению теории и практики, науки и идеологии в связи с региональными древностями;

- на примере того же края оценить *современное состояние*, основные проблемы и перспективы *работы* государственных служб и представителей общественности *с памятниками* региональной истории и культуры.

Степень разработанности проблемы исследования скорее вдохновляет к её дальнейшему изучению, нежели расхолаживает своей завершёностью. В советский период рассмотрение регионального фактора отечественной истории и культуры приобрело довольно однобокий характер. Большая часть научных исследований в социально-гуманитарной сфере сводилась к достаточно универсальным, весьма типологизированным уровням анализа. Акцент на них волей-неволей нивелировал исходную конкретику множества

малых родин русского и других российских народов; областническую, земляческую специфику реальных условий их существования.

Скорее всего, здесь сказалась вообще свойственная советской идеологии одномерность — узкоклассовая, монопартийная, строго формационная, интернационалистская. Во всяком случае, российская провинция долго выглядела со страниц нашей научной, учебной, справочной литературы лишь как тусклая декорация столичной драмы идей и событий, пассивный объект облагораживающего воздействия прогрессивного центра. Для мелкомасштабного, пристального рассмотрения судеб отдельных краёв, городов, районов, сёл и деревень, то есть вроде бы поселенческих «частностей» на карте великой и могучей державы, даже распространился в 1920-е годы специальный неологизм — *краеведение*. Не случайно, что до революции такое определение почти не употреблялось. Хотя профессиональные и особенно любительские занятия разными науками в российской провинции начались куда как рано, шли параллельно и во взаимно заинтересованном диалоге с центральными учёными обществами и просветительскими организациями. Начиная примерно с середины 1980-х годов и по сию пору «рейтинг» локалистической тематики в очередной раз растёт и в науке, и в рамках различных общественных движений. Однако прошлый опыт работы с местными памятниками истории и культуры в значительной степени пребывает в забвении, его положительные и отрицательные стороны учитываются сегодня далеко не всегда.

Парадигмальным образцом для собственных разысканий в этой области мне служили статьи и книги А.А. Формозова¹³. Ему первому и многие годы единственному удалось показать эволюцию науки об исторических древностях российской земли в тесной связи с развитием всей отечественной культуры, начиная с литературы и искусства и заканчивая религией и политической идеологией; на широком международном фоне.

В похожем социокультурном ключе был выполнен ряд содержательных работ по истории фольклористики (М.К. Азадовского); этнографии (С.А. Токарева, Л.С. Клейна). А затем и по истории археологии (Г.С. Лебедева, Л.С. Клейна, Н.И. Платоновой, И.Л. Тихонова, И.В. Тункиной, С.В. Кузьминых, М.В. Цыбина, И.Е. Сафонова, А.В. Жука, А.С. Смирнова, Д.В. Серых и других); антропологии (Н.Г. Залкинда, затем всё того же Л.С. Клейна); лингвистики (В.М. Алпатова и прочих); археографии и архивного дела (В.Н. Самошенко, В.П. Козлова и других).

Фронтальное рассмотрение судеб разного рода отечественных древностей и их первооткрывателей развернулось в 1990-е годы. Значительный вклад в реконструкцию отдельных направлений, периодов, региональных школ историко-краеведческой мысли и практики нашей

¹³ См.: *Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961; Его же. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983; *Его же.* Страницы истории русской археологии. М., 1986; *Его же.* Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990; *Его же.* Русские археологи до и после революции. М., 1995; *Его же.* Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995 (2-е изд., 2012).

страны внесли также публикации А.Н. Акиньшина, Л.В. Алексеева, В.А. Бердинских, О.Е. Глаголевой, И.И. Комаровой, В.П. Корзун, О.Г. Ласунского, В.П. Макарихина, Н.А. Милонова, С.И. Михальченко, М.П. Мохначёвой, М.А. Оресиной, Е.Д. Петряева, Л.В. Писарьковой, Т.О. Расмутовой, А.И. Раздорского, Т.Д. Рюминой, А.А. Севастьяновой, А.Д. Степанского, В.И. Чеснокова и довольно многих других авторов.

*Карта административного деления Курской области РФ.
Репродукция с сайта smotriphoto.ru.*

Курск и его округа дают весьма показательные образцы исторического, археологического, этнографического, фольклористического и всякого иного самопознания некоего края (региона). Соответствующий материал впервые последовательно и комплексно рассмотрен в настоящем исследовании.

Источниковая основа работы и методика её использования наметились у меня при подготовке биографии выдающегося русского учёного — историка, археолога, архивиста Д.Я. Самоквасова (1843–1911)¹⁴. Тот на рубеже XIX–XX веков состоял активным членом большинства академических обществ и организаций, занимавшихся историческими древностями в России; как центральных, так и провинциальных; возглавлял Московский архив министерства юстиции — крупнейшее хранилище древних актов страны, в чьих фондах отложились самые ранние (XVII–XVIII столетий) материалы по историко-археологической части. Творческое наследие этого же автора сказалось и в опыте исторического краеведения

¹⁴ См.: Щавелёв С.П. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, изд-во Курского гос. медицинского ун-та, 1998. 286 с., илл.

советского периода. Завершив жизнеописание Д.Я. Самоквасова и опубликовав часть его архивного наследия, я продолжил специальную разработку древлеведческих сюжетов, относящихся к южным регионам России, прежде всего Курскому краю.

Так сложился *комплекс источников* по теме настоящей работы. Прежде всего, это *печатные труды учёных-гуманитариев и любителей-краеведов*, занимавшихся древностями юга России. Учётная библиография их заметок, статей, рефератов, брошюр, монографий, курсов лекций, других учебных пособий, рецензий, докладов и служебных записок, сборников исторических актов, археологических дневников, атласов, таблиц, каталогов, справочников, инструкций и карт, публицистических и художественных произведений составляет несколько сотен изданий (значительная часть которых стала библиографической, а то и антикварной редкостью, отсутствует в той или иной из национальных библиотек России).

Особую группу источников представляют *историографические разборы и оценки* соответствующих трудов и проектов по изучению южнорусских древностей, содержащиеся как в общих курсах по отечественной историографии и истории русской культуры, так и во многих монографических исследованиях по соответствующим отраслям знания.

Архивные документы относительно историко-краеведческой деятельности разных лиц и организаций выявлены были мной в следующих хранилищах России и Украины.

В Санкт-Петербурге: Государственный исторический архив Ленинградской области (фонд СПбГУ); Российский государственный исторический архив (фонды министерств просвещения, юстиции, другие; Центрального статистического комитета, несколько персональных коллекций); Рукописный и фотографический архивы Санкт-Петербургского Института истории материальной культуры РАН (все полевые отчёты о раскопках и случайных находках в Курском Посеймье; другие курские материалы в фондах разных археологических обществ и нескольких персональных фондах); Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (целый ряд личных коллекций); Архив Географического общества России (подборка неопубликованных работ курских корреспондентов в фонде Императорского Русского Географического общества).

В Москве: Российский государственный архив древних актов (фонд канцелярии и других отделов МАМЮ); Центральный государственный исторический архив города Москвы (фонд Московского учебного округа и МГУ); Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (материалы многих столичных историков и археологов, их зарубежных и провинциальных корреспондентов); Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (то же); Российский государственный военно-исторический архив (фонд Военно-учёного архива со статистико-топографическими описаниями и атласами Курского края); Научно-

отраслевой архив Института археологии РАН (отчёты о раскопках на территории Курского края советских археологов).

Государственные архивы областей РФ: Владимирской (фонд Уваровых) и (особенно полно) Курской (фонды Губернского статистического комитета, Губернской учёной архивной комиссии, Курского областного краеведческого музея, Курского государственного педагогического института, многие другие); Черниговской области Украины (материалы по подготовке «южных» Археологических съездов ИМАО и соответствующих раскопок).

Личные дела преподавателей и сотрудников Курского государственного университета и Курского государственного медицинского университета из архивов этих университетов.

При выявлении, изучении и частичной публикации ¹⁵ источников своего исследования автор стремился к их системному, комплексному охвату. А именно, принимались в расчёт сообщения о разных типах памятников истории и культуры — вещественных (археологических), фольклорно-этнографических, архивных. С другой стороны, документально прослеживалось взаимодействие столичных центров и провинциальных субъектов изучения и охраны древностей, далеко не всегда отражённое печатью. Наконец, мной предпринимались попытки сопоставлять источники разных жанров — официально-делового, научно-академического, журналистско-публицистического, мемуарно-биографо-эпистолярного, беллетристического, наглядно-изобразительного. Ведь «внутренняя форма культуры» (Г.С. Кнабе) определяется путём своеобразной инсталляция разных областей духовного и материального творчества.

Особую трудность при работе с источниками представляли оценки идей и поступков учёных и краеведов разных поколений. В аналогичной литературе по истории русской науки и культуры нередки крайности в суждениях на сей счёт — то преувеличенной комплиментарности, приукрашенности, то, напротив, пренебрежения, очернительства. Вряд ли мне удалось добиться полной объективности, однако за правило было взято отмечать в книжке и готовивших её публикациях как достоинства, так и недостатки былого опыта; выяснять их значение как для своего времени, так и для будущего состояния памятников старины. Представляется, что при изучении прошлого науки и культуры гуманистические, этико-эстетические критерии, при всей их сложности, должны в какой-то мере учитываться. Ведь тихие и мирные занятия археологов, этнографов и архивистов подчас становились ареной политических, полицейских и даже военных столкновений. На вроде бы скромном поприще исторического краеведения успехи чередовались с поражениями, мужество соседствовало с предательством, причём порой в биографиях одних и тех же людей. За открытие исторических древностей наших предшественников награждали и чествовали

¹⁵ См. ниже ссылки на мои публикации, а также документальную часть приложений.

куда как редко (главным образом в некрологах). А вот замалчивали, бранили, выгоняли со службы, лишали свободы и даже пытали, убивали гораздо чаще. Представляется до сих пор актуальным призыв Нины Николаевны Берберовой: «Пока замученный тираном кричит "ура!", и зритель, окружающий виселицу, вторит ему, и историк превозносит содеянное — нет спасения. Только в пробуждении сознания — ответ на всё, что было...»¹⁶. Возможность хотя бы отчасти преодолеть забвение и воздать должное как замечательным деятелям русской науки, так и её же гонителям — ответственный соблазн для такого рода книжек, какова эта. Тем более в нынешнее время утверждения постклассического идеала познания, идеологических разломов и тектонических подвижек в отечественном менталитете. Гражданское примирение в российском обществе не равнозначно забвению понесённых им жертв. Превозносить предков и предшественников всех без разбора только за то, что они жили прежде нас, — занятие, которое не имеет ничего общего с патриотизмом.

Новизна исследования обусловлена его принадлежностью к числу первых опытов систематического, комплексного изучения процессов становления и развития исторического самосознания в России — на показательном образце одного из её коренных регионов (Курского края и сопредельных с ним территорий).

Приоритетностью отличаются *хронологические рамки* и *сюжетный репертуар* этого издания. Оно охватывает:

- самые отдалённые предпосылки донаучной любознательности, проявлявшейся нашими предками к памятникам отечественной истории и культуры (на фольклорном, магическом, кладоискательском уровнях их толкования);

- зарождение бескорыстного интереса к разного рода древностям в XVII – начале XVIII столетия;

- становление и развитие за последние три столетия сначала любительского, краеведческого, а затем и академического, организованного древлеведения; разных уровней его проявления (в географии, статистике, журналистике, богословии, археологии, истории, архивистике и других отраслях гуманитарной науки и практики);

- современное состояние и ближайшие перспективы изучения и сохранения всего спектра памятников прошлого в типичном регионе Центральной России.

Работы вроде этой посвящались отдельным периодам или формам историко-краеведческой мысли. Тогда как проследить преемственность и тематический резонанс в её развитии возможно только на материалах определённого, достаточно репрезентативного региона, за длительный период его существования¹⁷. В одной из рецензий на книгу автора

¹⁶ Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 603.

¹⁷ См. одну из первых попыток наметить все этапы региональной археологии в нашей стране: Щавелёв С.П. Историография провинциальных древностей (эскиз

отмечалось: «Щавелёв задумал и успешно осуществил проект изучения процесса становления региональной историографии (краеведения) на богатых материалах истории Курского края — одного из древнейших русских регионов страны. Предыдущие его книги содержат уникальный опыт развития краеведческой мысли на юге России»¹⁸.

А во введении к многотомному изданию «Археологическая карта России», выпускаемому специалистами Института археологии РАН, сказано: «С.П. Щавелёв ... сумел не только дать достаточно полный обзор всех археологических работ в регионе с самого их начала в XIX веке, но и представил читателю личности некоторых археологов, преуспевших в изучении курских древностей, — Д.Я. Самоквасова, А.А. Дмитрюкова, П.С. Рыкова, К.П. Сосновского, М.В. Воеводского, Ю.А. Липкинга»¹⁹.

Ещё одну особенность этой книги составляет *сочетание историографического и собственно исторического подходов* к одним и тем же проблемам. Такие темы, как происхождение летописного города Курска, его историческая топонимика; судьбы уникальных археологических комплексов и целого ряда других памятников далёкой старины в его округе; находки монетных и вещевых кладов; рукописное и печатное наследие многих исследователей; некоторые другие, рассматривались автором как с позиций историографического анализа прошлых идей и методов по поводу этих древностей, так и с точки зрения исторической науки сегодняшнего дня.

Наконец, в некоторых моментах проделанного исследования находила своё применение *философская квалификация* автора, его работы по теории и методологии научного, практического и обыденного познания (скажем, про соотношение профессионального и любительского мышления; этнические образы мира; формы практического знания, в том числе в гуманитарной сфере; ряд тому подобных)²⁰.

периодизации применительно к юго-востоку России) // Археология и история юго-востока Древней Руси (Материалы научной конференции). Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1993. С. 91–93.

¹⁸ Бердинских В.А. [Рец. на кн.:] Щавелёв С.П. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова... // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 159.

¹⁹ Кашкин А.В. Археология Курской области // Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. Кн. 1. М., 2001. С. 188.

²⁰ См.: Щавелёв С.П. Практическое познание как философско-методологическая проблема // Философские науки. 1990. № 3. С. 117–122; *Его же*. Практическое знание // Социальная сила знания. Минск, изд-во «Университетское», 1991. С. 24–35; *Его же*. Практическое значение гуманитарного знания // Гуманитарное знание: сущность и функции. Межвузовский сборник. СПб., изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1991. С. 56–69; *Его же*. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1994. 232 с.; *Его же*. Практическое знание // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М., «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 160–178; *Его же*. Анализ повседневности. М., Канон +, 2004. 432 с. (Современная философия) (В соавторстве с И.Т. Касавиным); *Его же*. Историческая археология: эпистемологический анализ // Социальная эпистемология:

Часть этих работ была поддержана исследовательскими грантами Российского гуманитарного научного фонда ²¹.

*Автор агитирует за краеведение перед студентами КГМУ. 2010-е годы.
Фото В.И. Раздорского.*

Практическое значение выполненной работы связано с элементами её научной новизны. В этом значении можно различить (с известной долей условности) несколько аспектов.

Во-первых, научно-теоретический. Материалы и выводы этой работы, будучи опубликованы центральной печатью, доложены на многих

идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М., «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 363–384 (в соавторстве с А.С. Щавелёвым).

²¹ Мои исследовательские проекты, поддержанные РГНФ: 2000–2002 годов «Анализ повседневности. Обыденное сознание как мировоззрение» (совместно с членом-корреспондентом РАН И.Т. Касавиным (Институт философии РАН)); 2005–2006 годов «Историки Курского края»; 2008 года «Феодосий Печерский — курянин»; 2015–2017 годов «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты» (совместно с Е.Н. Немеровым, О.В. Пыжовой).

всероссийских и международных конференциях, вошли в круг исследований по истории отечественной археологии и других гуманитарных наук и культурных практик.

Во-вторых, *научно-практический*. В процессе подготовки книги открыты и введены в исследовательский оборот архивные и редкие печатные материалы по истории, археологии, этнографии, антропологии, топонимике, фольклористике, культурологии (полевые отчёты и др. экспедиционные документы; рукописи научных, эпистолярных, мемуарных работ; биографические сведения об их авторах; многие сообщения о случайных находках разных древностей и целых памятников старины, описания произведений материальной и духовной культуры).

В-третьих, *педагогико-дидактический*. Автор участвовал в выдвижении идеи нескольких научно-просветительских изданий, их составлении, написании, подготовке к печати и публикации. Это сборники научных статей: «Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных» (вып. 1–4; 1997–2002); многотомные проекты «История Курского края» (соавтор выпуска 1 «Историки Курского края», 1998) и «Курский край» (соавтор тома IV «Курск ... X–XVII вв.», 1999); справочники по истории и культуре региона (ряд статей в энциклопедическом словаре «Курск» и «Большой курской энциклопедии»; альманахах «Летопись», «Архивная находка», «Сеймские берега», «Порубежье»; «Московском журнале» и других изданиях, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию. Большинство моих краеведческих текстов представлено теперь на замечательном сайте Владимира Владимировича Ветчинова «Курск дореволюционный», а также в электронной библиотеке издательства «Флинта / Наука» (Москва).

На протяжении 1980 – 2000-х годов в газетах и прочей периодике Курской области автором регулярно помещались научно-популярные и публицистические заметки по истории и современным задачам исторического краеведения. Все эти материалы, а также опубликованные автором монографии, словари, статьи используются в преподавании и изучении краеведческих тем в средних и высших школах, учреждениях культуры (музеях, библиотеках, редакциях СМИ), прежде всего, разумеется, Курской области; в особенности для преподавания в Курском медицинском университете и в изданных им учебных пособиях по истории и теории культуры.

В-четвёртых, *политико-технологический*. Сегодня заметно возрос интерес представителей государства и разных слоёв общественности к историческим истокам национальной культуры. В этой книге и в соответствующих ей публикациях автора прослежен, между прочим, длительный, многовековой опыт освоения исторического прошлого представителями российского государства и русского общества, выявлены типичные ошибки и намечены подходы к рациональному согласованию научного, обыденного и практического понимания истории родного края.

Структура книги отражает авторскую периодизацию процесса историко-краеведческого освоения древностей южнорусского ареала. Работа

разделена на: предисловие; введение; 4 главы, соответствующие основным периодам региональной историографии и включающие в себя в общей сложности 15 параграфов, в которых чередуется рассмотрение явлений и событий, институтов и персоналий; заключение; приложения — те публикации автора последних лет, что так или иначе относятся к теме этого издания.

*Автор на раскопках курганной группы в селе Артюшкове
Рыльского района Курской области экспедицией В.В. и О.Н. Енуковых.
1994 год. Архив автора.*

Среди иллюстраций этого издания имеются сканы старых, плохо сохранившихся, но уникальных по своей сюжетике и персонологии фотографий. Чтобы сберечь эти ценные изображения для истории, автор и издательство пошли на их воспроизведение, надеясь на понимание взыскательных читателей.

Я также выражаю искреннюю благодарность создателям и администраторам тех интернет-сайтов, откуда мной были заимствованы некоторые иллюстрации (всегда со ссылкой на их первоисточник). Просвещение и развлечение читателей, пользователей — наша общая цель.